

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The man, with dark curly hair and a beard, is wearing a dark suit and a white shirt. The woman, with long dark hair, is wearing a dark blue spaghetti-strap dress. They are in a high-rise building with a city skyline at night visible in the background. The lighting is warm and intimate.

НЕ МОЕ ИМЯ

часть 2

Саша Сандра

18+

Саша Сандра

Не мое имя. Часть 2.

«Автор»

2026

Сандра С.

Не мое имя. Часть 2. / С. Сандра — «Автор», 2026

Я осталась одна с маленькой дочкой на руках и разбитым сердцем. Казалось, жизнь закончилась, и мне остается только выживать. Но судьба свела меня с мужчиной, который старше мен на 14 лет. Он видит во мне ту самую - настоящую. И когда он делает мне предложение, я соглашаюсь. Но действительно ли это мое счастье? Или я снова прячусь от прошлого?

© Сандра С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Глава 4.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Саша Сандра

Не мое имя. Часть 2.

Глава 1.

Вике три года. Она уже говорит полными предложениями и знает, что если папа приходит поздно и громко, то к нему лучше не подходить.

Этому она научилась сама. Я не учила.

Мы живём у бабушки. В той самой квартире, где я выросла. Где трещина на потолке, где старый шкаф, где пироги. Вика спит в моей бывшей комнате - маленькой, с окном во двор. Мы с Артёмом - в зале, на диване. Бабушка - в своей. Всё как у людей. Всё хорошо.

Я вышла на работу, когда Вике было два. Нина Петровна взяла меня обратно без вопросов. Кира встретила в подсобке с кофе и сказала: «Ну наконец-то. Я тут с ума схожу одна». Магазин не изменился. Колокольчик, пыль, свитера. Только я теперь Саша. Для всех. Даже для покупателей.

Артём работает. Программистом. Получает нормально. По выходным пьёт - «с коллегами», «по пятницам», «немного». Я не замечаю. Или делаю вид, что не замечаю. Потому что он мой Артём. Который мыл посуду. Который чинил бабушке кран. Который плакал, когда родилась Вика.

А потом был тот вечер.

Я не помню, из-за чего началось. Кажется, из-за ерунды. Он пришёл поздно. Пьяный. Я сказала что-то резкое - про то, что он опять. Он ответил. Слово за слово. Я стояла на кухне, он в дверях. Вика спала. Бабушка спала.

Я сказала:

- Ты обещал.

Он сказал:

- Я устал. Ты понимаешь, что я устал?

- А я не устала? Я работаю, я с ребёнком, я...

- Ты всегда всем недовольна. Всегда.

- Артём.

- Что «Артём»? Что?

Он шагнул ко мне. Взял за руку. Крепко. Слишком крепко. Я дёрнулась. Что-то хрустнуло.

Палец. Указательный. Вывих.

Было больно. Не столько от пальца - сколько от того, как он смотрел. Как будто не понимал, что делает. Потом отпустил. Отступил. Сел на пол. Обхватил голову руками.

- Прости, - сказал он. - Прости. Я не хотел. Я не знаю, как это вышло. Прости.

Я стояла и смотрела на него. На своего мужа. На отца своей дочери. Который сидел на полу и плакал. И я не знала, что делать. Не знала, что говорить. Я просто держала руку и чувствовала, как она пульсирует.

Потом я сказала:

- Уходи.

Он поднял глаза.

- Саша.

- Уходи. Сейчас.

Он встал. Взял куртку. Вышел. Дверь хлопнула. Я стояла на кухне. Смотрела на свою руку. Палец распух. Красный. Чужой.

Бабушка вышла из комнаты. Посмотрела на меня. На палец. На дверь.

- Что случилось?

- Ничего.

- Саша.

- Ничего, бабуль. Всё нормально.

Она подошла. Взяла мою руку. Осмотрела. Молча. Потом пошла за бинтом. Вернулась. Перевязала. Аккуратно, как умела только она.

- Это он?

Я не ответила.

- Саша.

- Он не хотел, - сказала я. - Он просто... он был пьяный. Он не хотел.

Бабушка смотрела на меня. Долго. Потом сказала:

Ложись спать. Утром поговорим.

Я легла. Не спала. Смотрела в потолок. На трещину. Думала: это случайность. Он не хотел. Он хороший. Он просто устал. Он просто выпил. Со всеми бывает. Это не значит ничего. Это не значит, что он плохой. Это не значит, что мы не справимся.

Утром он вернулся. Трезвый. С цветами. С извинениями.

- Саша. Прости меня. Пожалуйста. Я не знаю, что на меня нашло. Я больше не буду. Никогда. Прости.

Я смотрела на него. На цветы. На его лицо. Уставшее. Виноватое. Моё.

- Артём.

- Я люблю тебя. Я люблю Вику. Я не хочу, чтобы вы уходили. Прости.

Вика проснулась. Вышла из комнаты. Увидела его. Закричала:

- Папа!

И побежала к нему. Обняла за ноги. Он взял её на руки. Прижал. Закрыв глаза. И я поняла, что не могу. Не могу сказать «уйди». Не могу разрушить. Не могу.

- Хорошо, - сказала я. - Но это в последний раз.

Он кивнул. Быстро. Как будто ждал этого.

- В последний. Клянусь.

Он не сдержал. Я знала, что не сдержит. Но тогда я ещё верила. Или делала вид. Как всегда.

Мы помирились. Через неделю. Через две. Я не помню. Палец зажил. Синяк сошёл. Всё стало как раньше. Только бабушка перестала с ним разговаривать. Не грубила. Просто молчала. Смотрела. И всё.

А потом, в воскресенье, когда Артём ушёл к своей маме, бабушка позвала меня на кухню. Закрыла дверь. Села напротив. Сложила руки на столе.

- Саша.

- Что, бабуль?

- Вы больше здесь жить не будете.

Я замерла.

- Что?

- Что слышала. Ищите квартиру. Снимайте. Что хотите. Но чтобы к концу месяца духу его здесь не было.

- Бабуль.

- Не «бабуль». - Она смотрела на меня. Твёрдо. Как никогда. - Я старая. Я не могу смотреть, как он тебя... как это происходит. Я не могу. И Вика не должна это видеть. Она уже всё понимает. Ты думаешь, она не понимает? Она понимает больше тебя.

- Бабуль, он не...

- Я не говорю, что он плохой. Может, он и не плохой. Может, он просто слабый. Но я не хочу, чтобы моя внучка росла в доме, где папа делает маме больно. И ты не хочешь. Просто боишься себе признаться.

Я молчала. Смотрела на свои руки. На палец. Который уже не болел. Но всё ещё помнил.

- Куда мы пойдём? - спросила я тихо.

- Куда угодно. - Бабушка вздохнула. - Я не выгоняю тебя. Я тебя спасаю. Понимаешь? Потом поймёшь. А сейчас - ищите квартиру.

Я кивнула. Не потому что согласилась. Потому что не было сил спорить.

Кира помогла. У неё был знакомый риелтор. Мы нашли квартиру за неделю. Однокомнатная, на четвёртом этаже, без лифта. Обои в цветочек. Кухня маленькая, но светлая. Балкон завален коробками, которые мы так и не разобрали.

Переехали в конце месяца. Бабушка пришла провожать. Стояла у подъезда. Смотрела, как мы грузим вещи в машину. Артём носил коробки. Она не смотрела на него. Только на меня. И на Вику.

- Бабуль, - сказала я. - Приезжай.

- Приеду, - сказала она. - Конечно, приеду. Ты же моя.

Она обняла меня. Крепко. Как в детстве. Потом Вику. Потом отступила.

- Иди. И помни: ты - Саша. Ты сильная. Ты справишься. Что бы ни было.

Я кивнула. Села в машину. Мы уехали.

Я думала, что это конец. Что теперь всё будет по-другому. Что мы начнём заново. Что Артём поймёт. Что всё наладится.

Я думала, что поменяв имя, я поменяла жизнь. Что Александра - это новая я. Что Алеся была неудачей. А Саша будет удачей. Что всё плохое осталось там - в магазине, где воровали, в квартире, где я не знала, кто я, в имени, которое было не моим.

А оказалось - нет. Имя поменялось. А жизнь - нет. Жизнь осталась жизнью. С папой, который пьёт. С мамой, которая делает вид. С дочкой, которая всё понимает. С трещиной на потолке - теперь уже в новой квартире. Как будто она переехала с нами. Как будто это не квартира, а я.

Но это было потом. А пока мы ехали в машине, и Вика спала на моих коленях, и Артём сидел молча, и я смотрела в окно на проплывающие дома, - я ещё верила. Верила, что всё будет хорошо. Что мы справимся. Что это просто испытание. Что белая полоса ещё будет.

Я не знала, что белой полосы не бывает. Бывает просто жизнь. Разная. И её надо как-то жить.

Глава 2.

Съёмная квартира пахла чужой жизнью. Обои в цветочек, старый диван, холодильник, который гудел, как самолёт. Вика первое время плакала по ночам - не узнавала стены, не узнавала кровать. Я сидела рядом, гладила её по спине и говорила: «Это наш дом. Теперь тут наш дом». Она засыпала. А я оставалась сидеть в темноте и смотреть на трещину на потолке. Она была здесь другая - тоньше, короче. Но была.

Первые недели Артём держался. Приходил вовремя. Трезвый. Играл с Викой, мыл посуду, чинил кран на кухне - он всё время подтекал. Я смотрела на него и думала: может, и правда. Может, бабушка ошибалась. Может, ему просто нужно было уехать от неё, от её взгляда. Может, теперь всё будет по-другому.

Потом был выходной. Пятница. Он сказал:

- Я к ребятам. Ненадолго.

Я сказала:

- Хорошо.

Он вернулся в одиннадцать. С запахом. Не сильным - так, на грани. Я сделала вид, что не заметила. Он лёг. Уснул. А я лежала и думала: это ведь не то же самое. Это просто пятница. Это просто немного. Это не значит, что он опять.

Через неделю он вернулся в полночь. Пахло сильнее. Он споткнулся в коридоре о Викины ботинки. Выругался. Я вышла. Сказала:

- Тише. Она спит.

Он посмотрел на меня. Мутно. Потом кивнул. Прошёл мимо. Лёг. Уснул.

Я стояла в коридоре. Смотрела на его ботинки, которые он снял. И думала: это уже было. Я это уже видела. Только тогда была бабушкина квартира. А теперь — эта. И бабушки нет за стеной. Никто не выйдет и не скажет: «Хватит».

Я легла. Не спала. Смотрела в потолок.

А утром он был другим. Трезвый, виноватый, ласковый. Варил кофе, делал Вике бутерброды, говорил:

- Саш. Прости. Я вчера перебрал. Больше не буду.

Я кивала. Верила. Или делала вид.

Так прошло месяца три. Может, четыре. Я сбилась со счёта. Артём пил по пятницам. Потом по пятницам и субботам. Потом начал задерживаться в будни - «с коллегами», «проект

сдаём», «нужно обсудить». Приходил позже. Пахло. Я говорила. Он извинялся. Я прощала. Он пил снова.

И каждый раз я думала: это последний раз. Он обещал. Он хороший. Он не хочет. Он просто не может остановиться. Но он же старается.

Он не старался. Я знала. Но признаться себе не могла.

—

Бабушка приезжала раз в месяц. Привозила пироги - с яблоками, с капустой, с мясом. Вика бежала к ней, кричала «баба, баба», обнимала за ноги. Бабушка сажала её на колени, гладила по голове и смотрела на меня. Поверх Викиной головы. Молча.

Она видела. Всё видела. Как я устала. Как похудела. Как у меня дёргается глаз, когда Артём приходит поздно. Как Вика перестала спрашивать «а папа скоро?» - потому что знает, что он может не прийти. Или прийти громким.

Однажды она приехала в субботу. Артёма не было - ушёл «к ребятам». Мы сидели на кухне. Вика играла в комнате. Бабушка пила чай. Смотрела на меня.

- Саша.

- Что, бабуль?

- Ты как?

- Нормально.

- Нормально, - повторила она. - Ты знаешь, что я тебе скажу?

- Не надо, бабуль.

- Надо. - Она поставила чашку. - Я тебе не враг. Я тебя не ругаю. Я просто смотрю и вижу. Он пьёт. Ты делаешь вид, что не замечаешь. Вика растёт и всё понимает. Ты думаешь, она не понимает? Ей три года. Она уже знает, что если папа громкий - надо тише. Ты этому её научила? Нет. Он. А ты - позволяешь.

- Бабуль, он не...

- Он не плохой. Я знаю. Я не говорю, что он плохой. Я говорю, что он пьёт. А ты - терпишь. И это не одно и то же. Ты думаешь, что если терпишь - сохраняешь семью. А ты не сохраняешь. Ты просто ждёшь, когда станет хуже.

Я молчала. Смотрела в чашку. Чай остыл.

- Я не знаю, что делать, - сказала я тихо. - Я не могу без него. Вика... как она без отца?

- А как она с таким отцом? - спросила бабушка. - Ты думаешь, ей лучше видеть его пьяным? Слышать, как он кричит? Видеть, как ты плачешь в ванной?

Я вздрогнула. Я думала, она не знает. Что я плачу в ванной. Что я открываю кран, чтобы никто не слышал.

- Я не плачу, - сказала я.

- Плачешь. - Бабушка вздохнула. - Саша. Я тебя вырастила. Я знаю тебя лучше, чем ты сама. Ты сильная. Ты справишься. Но ты должна понять: ты не спасаешь семью. Ты спасаешь иллюзию. А семья - это когда всем хорошо. Когда никто не боится. Когда можно спать спокойно. У тебя так?

Я не ответила.

- Вот и я о том, - сказала бабушка. - Я не говорю тебе уходить. Я не имею права. Это твоя жизнь. Твоя семья. Но я хочу, чтобы ты знала: ты не обязана терпеть. Ты не обязана ждать, когда станет хуже. Ты можешь решить. Сейчас. Пока не поздно. Пока Вика ещё маленькая. Пока ты ещё помнишь, кто ты.

Я смотрела на неё. На её морщины. На руки. На то, как она держала чашку. И думала: она права. Конечно, она права. Но что я могу сделать? Уйти? Куда? На что? Я работаю в магазине. Артём получает больше. Квартира съёмная. Вика - садик. Я не могу. Не могу.

- Я подумаю, - сказала я.

- Подумай, - сказала бабушка. - Только не долго. Время не ждёт.

Кира тоже видела. Но она не говорила так, как бабушка. Она говорила по-другому. Когда мы оставались в подсобке вдвоём - пили кофе, ждали покупателей - она смотрела на меня и спрашивала:

- Саш. Ты как?

- Нормально.

- Ага. - Она откусывала бутерброд. - А палец?

Я смотрела на неё.

- Какой палец?

- Который он тебе вывихнул. - Она не отводила глаз. - Ты думаешь, я не знаю? Бабушка сказала. Она мне звонила. Просила присмотреть.

Я молчала.

- Саш. - Кира отложила бутерброд. - Я тебе не мама. Я тебе не бабушка. Я тебе подруга. И как подруга я тебе скажу: это не нормально. То, что он делает. То, что ты терпишь. Это не нормально.

- Он не...

- Он пьёт. Я знаю. Я вижу. Ты думаешь, я не вижу, как ты приходишь уставшая? Как у тебя глаза красные? Как ты вздрагиваешь, когда телефон звонит? Я всё вижу. И Вика видит. И бабушка видит. Одна ты делаешь вид, что всё хорошо.

- Я не делаю вид.

- Делаешь. - Кира вздохнула. - Саш. Я тебя не осуждаю. Я тебя понимаю. Правда. Я видела, как моя мать терпела. Отца. Он пил - он был... никакой. Не помогал. Не любил. Просто был. И она терпела. Потому что «как же без отца». А потом он ушёл. Сам. И она выдохнула. Впервые за двадцать лет. И сказала мне: «Кирка. Не терпи. Никогда не терпи. Лучше одна. Лучше никак. Но не так».

Я смотрела на неё. На её лицо. На рыжие волосы. На трещину в телефоне, который лежал на столе.

- Я не знаю, как, - сказала я. - Я не знаю, как уйти. Я не знаю, куда. На что. Я...

- Я знаю, - сказала Кира. - У меня есть диван. У меня есть кот. У меня есть чай. Ты можешь прийти. В любой момент. С Викой. Без Вики. Как хочешь. Я не скажу «я же говорила». Я просто открою дверь.

Я не заплакала. Не могла. Просто сидела и смотрела на неё. И думала: вот она. Подруга. Которая говорит не то, что я хочу слышать. А то, что мне нужно.

- Спасибо, - сказала я.

- Не за что. - Кира взяла бутерброд. - Только не тяни. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты стала как моя мать. Двадцать лет. Двадцать лет, Саш. Я не хочу, чтобы ты ждала двадцать лет.

—

Дома я смотрела на Вику. Она сидела на полу, собирала пазл - тот самый, с медвежонком. Пыхтела, высовывала язык. Я села рядом.

- Mam, - сказала она. - А папа сегодня будет громкий?

Я замерла.

- Не знаю, - сказала я. - Может, нет.

- А если будет?

- Тогда мы пойдём в комнату и закроем дверь. И будем играть в тишине.

Вика кивнула. Как будто это было нормально. Как будто так и должно быть. И я поняла: она уже привыкла. Привыкла к громкому папе. К тихой маме. К закрытой двери. И это было хуже всего.

Я обняла её. Крепко. Она вырывалась - «мам, ну мам, пазл». Но я не отпускала. Потому что если отпущу - она вырастет и будет думать, что так и надо. Что папа может быть громким. Что мама может терпеть. Что любовь - это когда закрываешь дверь и играешь в тишине.

- Вика, - сказала я. - Я тебя люблю. Больше всего на свете. Ты знаешь?

- Знаю, - сказала она. - Мам, ну отпусти.

Я отпустила. Она вернулась к пазлу. А я сидела на полу и думала: что я делаю? Что я делаю со своей жизнью? Со своей дочерью?

Вечером Артём пришёл. В девять. Пахло. Он улыбнулся. Сказал:

- Привет. Я мороженое купил.

Вика побежала к нему. Он взял её на руки. А я стояла и смотрела. На них. На своё. На то, что я так хотела сохранить. И думала: а что я сохраняю? Что? Семью? Или привычку? Любовь? Или страх?

Я не знала ответа. Пока не знала.

Глава 3.

Всё началось с мелочи. С того, как он посмотрел на Вику.

Было воскресенье. Артём сидел на диване с телефоном. Вика подошла к нему с книжкой - «Почитай». Он не поднял головы. Сказал:

- Не сейчас.

Она постояла. Подождала. Потом отошла. Села на пол. Открыла книжку сама. И стала «читать» - водила пальцем по строчкам, говорила что-то своё, придуманное. Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри что-то сжимается.

- Артём.

- Что?

- Она просит. Почитай ей.

- Я устал.

- Ты весь день в телефоне.

Он поднял глаза. Медленно. Как будто я его оторвала от чего-то важного.

- И что?

- И то. Ты ей обещал. Вчера. Ты сказал: «Завтра читаем». Она ждала.

- Саша. Не начинай.

- Я не начинаю. Я говорю как есть. Ты стал... - я искала слово. - Холодный. К ней. Ко мне. Ты приходишь, уходишь, сидишь в телефоне. Ты вообще здесь? С нами?

Он отложил телефон. Встал.

- Знаешь что? - сказал он. - Я работаю. Я устаю. Я прихожу домой, и хочу, чтобы меня не трогали. Это преступление?

- Нет. Но ты не только работаешь. Ты ещё и...

Я не договорила. Он понял.

- Что? - спросил он. - Что я ещё?

- Ты пьёшь, - сказала я. - Ты пьёшь, Артём. Каждые выходные. Иногда в будни. Ты приходишь поздно. От тебя пахнет. Ты стал... другим.

- Я не пью.

- Пьёшь.

- Я выпиваю. Это разные вещи.

- Для меня - нет.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Вика в комнате затихла. Слышала. Конечно, слышала.

- Знаешь что? - сказал он тихо. - Я устал от этого. От твоих претензий. От того, что я всегда виноват. Я работаю, я обеспечиваю, я...

- Ты обеспечиваешь? - перебила я. - Мы живём на съёме. У нас кредит. Я работаю в магазине. Ты думаешь, ты один?

- Я не это имел в виду.

- А что ты имел в виду?

Он молчал. Смотрел на меня. И в его глазах было что-то, чего я раньше не видела. Не злость. Усталость. Как будто я ему надоела. Как будто всё надоело.

- Я пойду, - сказал он. - Проветрюсь.

- Куда?

- Не знаю. Просто пойду.

Он взял куртку. Вышел. Дверь хлопнула. Я стояла в коридоре. Смотрела на дверь. Вика вышла из комнаты.

- Мам. А папа куда?

- Проветриться, - сказала я. - Он скоро придёт.

Он не пришёл. Ни в девять. Ни в десять. Ни в одиннадцать. Я позвонила. Он не взял. Позвонила ещё раз. Не взял. Написала: «Ты где?» Прочитал. Не ответил.

Вика уснула. Я сидела на кухне. Смотрела на часы. Думала: может, у мамы. Может, у друга. Может, просто гуляет. Может, всё нормально. Может, я преувеличиваю.

В час ночи я позвонила его маме. Она не спала. Сказала:

- Его нет тут. Саша, что случилось?

- Ничего, - сказала я. - Просто... поругались. Он ушёл. Не знаю где.

Она помолчала. Потом сказала:

- Саша. Он пил?

Я не ответила.

- Пил, - сказала она. - Я знаю. Он и раньше... - она запнулась. - Саша. Ты держись. Я поговорю с ним. Найду.

Я положила трубку. Сидела. Смотрела в стену. И думала: я не могу больше. Не могу ждать. Не могу делать вид. Не могу.

Я встала. Собрала Вике сумку - трусики, колготки, пижаму, её любимого зайца. Разбудила её. Она сонная, не понимала.

- Мам. Куда?

- К бабушке. Переночуем у нее.

- А папа?

- Папа... папа останется тут. Ему надо побыть одному.

Она не спросила больше. Просто взяла зайца. Взяла меня за руку. И мы вышли. Я вызвала такси. Мы ехали через ночной город, и Вика спала у меня на коленях, и я смотрела в окно и думала: что я делаю? Может, вернуться? Может, подождать? Может, он придёт, и всё будет как раньше?

Бабушка открыла дверь. В халате. Сонная. Посмотрела на нас. На Вику с зайцем. На меня.

- Что случилось?

- Ничего, - сказала я. - Можно переночевать?

Она посторонилась.

- Заходите.

Вику положили в мою старую комнату. Она уснула сразу. Бабушка вышла на кухню. Поставила чайник. Села напротив.

- Рассказывай.

Я рассказала. Всё. Про то, как он стал холодным. Про то, как он ушёл. Про то, как не взял трубку. Про то, что я не знаю, где он. Бабушка слушала. Молча. Потом сказала:

- Утром отведи Вику в садик. И иди домой.

- Бабуль.

- Иди. Посмотри, что там. Может, ничего. Может, просто напился и спит. А может... - она не договорила. - В общем, иди. Но если что - сразу уходи. Поняла?

Я кивнула.

Утром я отвела Вику в садик. Она не хотела идти — цеплялась за меня, говорила «мам, не уходи». Я гладила её по голове и говорила: «Я приду. Вечером. Обязательно». Воспитательница увела её. Я стояла у ворот и смотрела, как она идёт в группу. Маленькая. С зайцем под мышкой. Обернулась. Помахала. Я помахала в ответ.

Потом поехала домой.

Квартира была на четвёртом этаже. Лифта не было. Я поднималась по лестнице и чувствовала, как что-то сжимается внутри. Как будто предчувствие. Как будто я уже знала, что там увижу.

Дверь была приоткрыта. Не заперта. Я толкнула её.

В коридоре пахло. Сигаретами. Алкоголем. Чем-то ещё. Я шагнула внутрь.

На полу валялись бутылки. Пустые. Много. Водка, пиво, что-то ещё. Окурки - прямо на полу, в тарелках, в чашках. Тарелки с остатками еды. Коробки из-под пиццы. Чьи-то кроссовки. Куртка. Не его.

А на диване... на диване кто-то спал. Двое. Мужики. Незнакомые. Пьяные. Храпели.

Я прошла в комнату. Там было ещё хуже. Кровать смята. На полу - женские резинки. Волосы. Чей-то шарф. И Артём. На кровати. Лицом вниз. В одних трусах. Рядом - бутылка. Недопитая. Или уже пустая.

Я стояла и смотрела. Не могла двинуться. Не могла дышать. Это был не мой Артём. Это был кто-то другой. Чужой. Которого я не знала.

Он зашевелился. Поднял голову. Увидел меня. Глаза мутные. Красные. Он не сразу понял, кто я. Потом понял.

- Саша? - прохрипел он. - Ты чего?

- Ты чего? - повторила я. - Ты... что это? Что тут происходит?

Он сел. Медленно. Огляделся. Как будто сам не понимал, где он и что вокруг.

- Это... ребята. Друзья. Мы... вчера...

- Друзья? - я показала на резинки. - А это что? Это чьи?

Он посмотрел. Пожал плечами.

- Не знаю. Девчонки какие-то были. Не помню.

- Не помнишь? - голос у меня сорвался. - Ты не помнишь, какие девчонки были у тебя в квартире? В нашей квартире? Где живёт твоя дочь?

- Саша. Тише. Голова болит.

- Болит? - я шагнула к нему. - У тебя болит? А у меня не болит? Я всю ночь не спала. Я не знала, где ты. Я думала, ты умер. Я думала, ты в больнице. Я думала...

- Ну, видишь. Не умер. - Он потянулся за бутылкой. - Дай воды.

- Нет.

Он посмотрел на меня. И в его глазах что-то изменилось. Мутное стало злым.

- Дай воды, - сказал он. - Я сказал.

- Нет. - Я стояла. - Ты не будешь пить. Ты вообще... ты понимаешь, что ты сделал? Ты привёл в дом каких-то людей. Ты устроил тут бардак. Ты... ты изменился. Ты стал другим. Я тебя не узнаю.

Он встал. Покачнулся. Схватился за стену. Посмотрел на меня. И вдруг шагнул. Ко мне. Близко.

- Не узнаёшь? - сказал он. - А ты? Ты думаешь, ты не изменилась? Ты всё время пилишь. Всё время недовольна. Всё время «Артём, то», «Артём, это». Я устал. Понимаешь? Устал.

- Устал? - я не отступила. - А я не устала? Я работаю. Я с ребёнком. Я...

- Заткнись, - сказал он.

И поднял руку.

Я не помню, как оказалась в ванной. Помню только, что бежала. Что захлопнула дверь. Что защёлки не было - сломана. Я держала дверь. Он дёргал с той стороны. Кричал. Что-то про то, что я сама виновата. Что я его довела. Что он не хотел.

Я достала телефон. Руки тряслись. Набрала маму. Она ответила сразу - как будто ждала.

- Мам, - закричала я. - Мам, спаси меня! Он... он...

Телефон выскользнул. Упал в ванну. В воду. Экран погас. Я осталась в темноте. В ванной. С телефоном, который не работал. И с ним. За дверью.

Он дёрнул ещё раз. Сильно. Я держала. Плакала. Молилась. Не знаю, кому. Просто молилась. Чтобы он ушёл. Чтобы кто-то пришёл. Чтобы это кончилось.

Потом стало тихо. Он отпустил дверь. Я слышала, как он отошёл. Как упал на кровать. Как затих.

Я сидела на полу в ванной. Держала дверь. И ждала. Не знаю, сколько. Минуту. Пять. Десять. Потом встала. Тихонько открыла дверь. Выглянула.

Он спал. На кровати. В одних трусах. Рядом - бутылка. В коридоре храпели его друзья. Я прошла мимо них. Взяла сумку. Взяла ключи. Вышла. Закрыла дверь. И побежала.

Вниз по лестнице. На улицу. В холод. Без куртки. Я не чувствовала холода. Просто бежала. До бабушки.

Бабушка открыла дверь. Посмотрела на меня. На моё лицо. На руки. На то, как я тряслась.

- Саша.

- Бабуль, - сказала я. - Я больше не могу.

Она обняла меня. Крепко. Как в детстве. И я заплакала. Впервые за всё это время. По-настоящему. Громко. Как ребёнок.

- Всё, - сказала бабушка. - Всё, девочка. Ты дома. Ты дома.

Я плакала. А она держала меня. И не отпускала. И я знала: это конец. Что бы ни было дальше. Это конец.

Глава 4.

Родители приехали в тот же день. Не через день - в тот же. Бабушка позвонила маме утром, сразу как я прибежала к ней. Сказала в трубку — быстро, сбивчиво, глотая слова. Мама слушала молча.

Я открыла дверь. Мама стояла на пороге. Бледная. С заплаканными глазами. Папа за ней - с сумкой, хмурый.

- Саша, - сказала мама. И обняла меня. Крепко. Так, что я почувствовала, как она дрожит.

- Мам. Всё нормально. Я в порядке.

- В порядке? - она отстранилась. Посмотрела на меня. На моё лицо. На руки. - Он тебя бил?

- Нет. Не успел.

- Не успел, - повторила она. - Значит, пытался.

Я не ответила. Папа прошёл в квартиру. Бабушка вышла из кухни. Они посмотрели друг на друга. Молча. Потом папа сказал:

- Где он?

- Не здесь, - сказала бабушка. - Слава богу.

- Я с ним поговорю.

Сядь, - сказала бабушка. - Поговоришь. Сначала выслушай.

Мы сели на кухне. Бабушка налила чай. Все молчали. Потом бабушка сказала:

- Рассказывай, Саша. Всё. С самого начала.

Я рассказала. Про то, как он пил. Как приходил поздно. Как стал холодным. Как я делала вид, что всё нормально. Как он вывихнул мне палец - тогда, когда мы еще жили с бабушкой. Как мы помирились. Как переехали. Как всё продолжалось. Как он ушёл в ту ночь. Как я пришла утром и увидела бутылки, окурки, резинки. Как он поднял руку. Как я бежала.

Мама плакала. Тихо. Вытирала слёзы рукой. Папа смотрел в стол. Сжимал чашку так, что костяшки белели.

- Почему ты не сказала? - спросил он. - Почему ты нам не сказала?

- Я не хотела вас беспокоить. У вас своя жизнь. Я думала, я справлюсь.

- Справлюсь, - повторил папа. - Саша. Ты не должна была справляться. Ты должна была сказать. Мы бы приехали. Сразу. В тот же день.

- Я знаю. - Я смотрела в чашку. - Я думала, всё наладится. Я думала, он изменится. Я думала, это из-за имени.

- Из-за имени? - мама подняла голову.

- Я думала, что Алесь - это неудача. Что когда я стану Александрой, всё будет по-другому. Что жизнь наладится. Что плохое останется в прошлом. - Я усмехнулась. - Глупо, да?

- Не глупо, - сказала бабушка. - Ты искала, за что зацепиться. Имя было проще, чем правда.

- А правда в том, - сказал папа, - что он тебя не любит. Не любит так, как должен. Не любит ни тебя, ни Вику. Он любит себя. И бутылку. А ты и Вика - просто... - он замолчал. Потому что не мог подобрать слово.

- Просто есть, - сказала я. - Пока есть. Пока удобно.

- Да. - Папа посмотрел на меня. - Саша. Ты моя дочь. Я тебя не осуждаю. Я тебя не ругаю. Но ты должна понять: это не любовь. Это не семья. Это... - он вздохнул. - Это клетка. Ты в ней сидела. И Вика сидела. Пора выходить.

Мама вытерла слёзы.

- Саша. Мы поможем. Чем сможем. Деньгами. Всем. Ты только скажи.

- Мам. Я не...

- Скажи, - перебила она. - Ты моя дочь. Ты не должна справляться одна. Никогда. Слышишь?

Я кивнула. И заплакала. Не так, как тогда, у бабушки в коридоре. Тихо. Просто слёзы текли, и я не вытирала их. Мама подошла. Обняла. Папа положил руку мне на плечо. Бабушка сидела и смотрела на нас. И в её глазах было что-то, чего я не видела раньше. Не жалость. Гордость. Как будто она ждала этого. Как будто знала, что я справлюсь.

—

На следующий день я решила. Хватит.

Я позвонила Кире. Сказала:

- Мне нужна помощь.

- Говори, - сказала она. Без вопросов. Без «а что случилось». Просто «говори».

- Мне надо забрать вещи. Пока его нет. Я не хочу с ним встречаться. Не хочу его видеть.

- Когда?

- Завтра. Он работает до шести. Я приду в три.

- Я с тобой. Бабушка?

- Бабушка тоже. Она не отпустит меня одну.

- Правильно. - Кира помолчала. - Саш. Ты как?

- Не знаю. Пока не знаю. Но я больше не могу. Я не вернусь.

- Хорошо, - сказала Кира. - Завтра в три. Я приду. И принесу коробки.

На следующий день мы пришли втроём. Я, Кира, бабушка. Открыли дверь своим ключом. Квартира была пустая. Он ушёл на работу. В квартире всё ещё пахло - сигаретами, алкоголем, чем-то кислым. Я не стала смотреть. Просто прошла в комнату. Достала коробки.

- Что забираем? - спросила Кира.

- Всё, что моё. Всё, что Викино.

Мы собирали быстро. Молча. Кира складывала вещи в коробки - аккуратно, как в магазине. Бабушка стояла у двери. Смотрела в коридор. На случай, если он вернётся. Я собирала фотографии. Викины рисунки. Её зайца. Свои книги. Одежду. Всё.

Потом я зашла на кухню. Взяла чашку - ту, которую он мне подарил на первую годовщину. Посмотрела на неё. И поставила обратно. Не моё.

- Саш, - сказала Кира. - Ты как?

- Нормально. - Я закрыла коробку. - Всё.

Бабушка подошла. Взяла меня за руку. Посмотрела на меня.

- Ты уверена?

- Да.

- Тогда идём.

Мы вынесли коробки. Я закрыла дверь. Ключ оставила на кухне, на столе. Пусть. Мне он больше не нужен. Я спускалась по лестнице и чувствовала, как что-то отпускает. Как будто я вышла из комнаты, в которой долго не было воздуха. Как будто вдохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.